

На правах рукописи

САБАДАШ Надежда Петровна

**ПОЛЬСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ (1826–1855 гг.)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ивинский Дмитрий Павлович

Официальные оппоненты: **Михайлова Наталья Ивановна**
доктор филологических наук, профессор,
Государственный музей А.С. Пушкина,
заместитель директора по научной работе

Сайкина Наталья Владимировна
кандидат филологических наук,
ОАО «Генеральная дирекция международных
книжных выставок и ярмарок»,
консультант пресс-центра

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет

Защита состоится «04» марта 2015 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.501.001.26 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте филологического факультета www.philol.msu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А. Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом изучения в настоящей работе является польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.). Наиболее важными аспектами польской темы представляются следующие: 1) Польша и поляки в жизни и творчестве русских писателей в 1826–1855 гг.; 2) «польский вопрос» и его решение русскими писателями, критиками, публицистами в 1826–1855 гг. **Объект изучения** – русско-польские литературные связи николаевской эпохи.

Хронологические рамки исследования. Временные рамки настоящего исследования определены правлением Николая I (1826–1855 гг.), которое получило название «николаевской эпохи». Восприятие поляков русскими и отражение его в русской литературе формировалось под воздействием политических отношений между двумя странами и испытывало сильное влияние государственной идеологии, а она в интересующий нас период формировалась под влиянием ряда драматических политических событий, каждое из которых оставило глубокий след в русской литературе. В первую очередь это относится к восстанию 14 декабря 1825 г., следствию, суду и приговору «декабристам», в еще большей степени к польскому восстанию 1830–1831 гг., обозначившему серьезный надлом в отношениях России и Европы, и к Крымской войне, коренным образом изменившей внутреннюю и внешнюю политику Российской империи. С 1830 г. «польский вопрос» оказывается теснейшим образом связан с вопросом о судьбах самой русской государственности, а вместе с тем и русской культуры.

Степень изученности вопроса. Начало научного изучения польской темы в русской литературе связано с именами А. Н. Пыпина, В. Д. Спасовича, Ю. Третьяка, А. Брюкнера, М. Здзеховского. В межвоенное двадцатилетие интерес к русско-польским литературным отношениям не ослабевает ни у русских авторов (М. Д. Беляев, В. А. Францев), ни у польских (В. Ледницкий, Р. Блют, В. Якубовский, Т. Парницкий). Несколько позднее к рассмотрению польской темы в русской литературе обращаются Л. Гомолицкий и М. Якубец.

В годы существования Польской Народной Республики (ПНР) отмечается новый виток в истории развития русско-польских отношений. Если проследить даты выхода литературоведческих работ или библиографических обзоров, то можно отметить всплеск интереса к русско-польским отношениям в 50-е и позднейшие годы XX в. Русско-польские литературные связи привлекли

внимание многих исследователей, главным образом польских. Польская русистика была представлена такими именами, как С. Фишман, Р. Лужный, А. Валицкий, Т. Шишко, Б. Гальстер, Б. Бялокозович, З. Баранский, А. Безвинский, А. Дворский, А. Семчук, Р. Сливовский, В. Сливовская, Б. Муха и др. Среди русских литературоведов русско-польские литературные связи стали предметом исследования в работах П. Н. Беркова, И. Ф. Бэлзы, С. И. Бэлзы, С. С. Ланды, Е. З. Цыбенко, В. Э. Вацуру и др. В последнее двадцатилетие к русско-польским литературным отношениям обращались А. В. Кушаков, Д. С. Прокофьева, И. Л. Великодная, В. А. Хорев, А. В. Липатов, А. Л. Осповат, Р. Г. Лейбов, Д. П. Ивинский и др.

Большое количество появляющихся работ и объемы уже написанных исследований требовали систематизации материала, что и обусловило появление библиографических указателей, в которых были собраны работы русских и польских литературоведов¹. Избранная библиография вопроса стала неотъемлемой частью учебников и монографий, посвященных русско-польским литературным связям².

Освещение польской темы в русской литературе и проблема русско-польских литературных отношений была также затронута и в польских учебниках по истории русской литературы³. Так, в двухтомной «Истории русской литературы» (1976), написанной коллективом авторов под редакцией М. Якубца, этой теме посвящены отдельные главы, завершающие рассмотрение

¹ Адам Мицкевич в русской печати: 1825–1955: Библиографические материалы. М.; Л., 1957; Bibliografia rusycystyki polskiej 1945–1975: Literaturoznawstwo / Red. B. Białokozowicz. Warszawa, 1976; Польская художественная литература XVI – начала XX вв. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1771–1975 гг. Т. 1–4. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1982–1995; Chajęcka M., Jazukiewicz-Oselkowska L., Zielińska M. Bibliografia rusycystyki polskiej 1976–1981: Literaturoznawstwo. Warszawa; Łódź, 1991; Szczukin W. Polska i Polacy w literaturze rosyjskiej (literatura przedmiotu) // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Pod red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. Aneks na płycie CD, 258 pozycji; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI – XVIII вв. Библиографические материалы. СПб, 2008.

² Bibliografia (wybór) // Historia literatury rosyjskiej (red. M. Jakóbiec). Tom II. Warszawa, 1976. S. 675–751; Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992; Giza A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993.

³ Brücker A. A Literary History of Russia. London – Leipsic, 1908; Literatura rosyjska w zarysie. Praca zbiorowa pod red. Z. Barańskiego i A. Semczuka. Warszawa, 1975; Historia literatury rosyjskiej. Praca zbiorowa pod red. M. Jakóbca. Warszawa, 1976. T. I–II; Mucha B. Historia literatury rosyjskiej: Zarys. Wrocław, 1989.

каждого периода. Активно издавались сборники статей⁴, составители которых стремились отразить сложность и многоаспектность польской темы.

Ключевым моментом русско-польских литературных отношений XIX в. стало пребывание Адама Мицкевича в России (1824–1829 гг.), поэтому к теме «русский Мицкевич» обращалось подавляющее большинство авторов, исследовавших польскую тему (центральной темой работ стала тема отношений А. Пушкина и А. Мицкевича). Кроме того, исследовались контакты Ф. Н. Глинки, К. Ф. Рылеева, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского с поляками и Польшей. Таким образом, русско-польские связи Александровского времени оказались лучше изученными, чем отражение польской темы в русской литературе николаевской эпохи⁵.

Одной из основных проблем при исследовании польской темы в русской литературе николаевской эпохи является восприятие Ноябрьского восстания русскими писателями. Именно в это время русские писатели, критики, публицисты определяют свою позицию по отношению к Польше и полякам, к проводимой Россией политике в Польше.

Отклики русских писателей на польское восстание хорошо изучены в научной литературе, и существует большое количество работ, в которых затрагивается тема отражения Ноябрьского восстания в русской литературе. В одних исследованиях дается обзор мнений русского общества по поводу «польского вопроса» в 1830–1831 гг.⁶, другие посвящены рассмотрению

⁴ Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1958. T. 2; O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969; Польско-русские литературные связи. М., 1970; Spotkania literackie. Z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu. Wrocław, 1973; Литературные связи славянских народов. Л., 1988; Polacy w życiu kulturalnym Rosji. Wrocław, 1986; Narody i stereotypy. Kraków, 1995; Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie współczesne. Łódź, 2003; Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa, 2006; Polacy i Rosjanie – przewyciężanie uprzedzeń. Łódź, 2006; Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011; Amicus Poloniae: Памяти Виктора Хорева. М., 2013.

⁵ Dworski A. Puszkina w kręgu kultury polskiej. Wrocław, 1983; Galster B. Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie. Warszawa, 1987; Вацуро В. Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг. // Литературные связи славянских народов. Л., 1988. С. 22–57 и др.

⁶ Białokozowicz B. Powstanie listopadowe w literaturze rosyjskiej // Dziedzictwo powstania listopadowego w literaturach obcych. Warszawa, 1986. S. 7–44; Orłowski J. Polski listopad w opinii pisarzy rosyjskich (w 160 rocznicę powstania) // Język rosyjski. 1990. № 5. S. 227–232;

позиций отдельных писателей (А. С. Пушкина, А. И. Одоевского, А. С. Хомякова и др.)⁷.

Следующую группу исследований составляют работы, предметом которых стали литературные и личные связи конкретного русского писателя и Польши. В них рассмотрены контакты А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Одоевского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, Ф. В. Булгарина, А. А. Бестужева-Марлинского, В. И. Даля, И. С. Тургенева с поляками, позиция авторов по «польскому вопросу» и упоминание Польши и поляков в художественных произведениях⁸.

Еще один блок исследований составляют работы, предметом рассмотрения в которых стало отношение славянофилов к польскому восстанию 1830–1831 гг., решение ими «польского вопроса», а также отражение славянской идеи в произведениях русских авторов⁹.

Как в русском, так и в польском литературоведении много внимания уделено изучению стереотипа поляка в русском национальном сознании и отражении его в русской литературе (работы А. Кемпинского, А. Гизы, С. М. Фалькович, Е. Е. Левкиевской, А. В. Липатова, В. А. Хорева, А. де Лазари и др.). Авторы исследований останавливаются на проблемах, связанных с источниками и процессом формирования негативного стереотипа поляка в

Филатова Н. М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy a Rosjanie: Поляки и русские.* Warszawa, 2000. С. 107–117; *Хорев В. А.* Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г. // *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005. С. 35–59 и др.

⁷ *Lednicki W.* Dookoła przeciwpolskiej trylogji lirycznej Puszkina // *Lednicki W.* Aleksander Puszkina: Studia. Kraków, 1926. S. 36–161; *Cholonina Z.* Aleksander Odojewski a Polska // *Dziedzictwo powstania listopadowego w literaturach obcych.* Warszawa, 1986. S. 65–77; *Фризман Л. Г.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // *Вопросы литературы.* 1992. Вып. 3. С. 209–238; *Лейбов Р. Г., Основат А. Л.* К польской теме у Хомякова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Вып. XII. Тарту, 2011. С. 44–51 и др.

⁸ См., например: *Barański Z.* Iwan Turgeniew w kręgu spraw polskich // *Slavia Orientalis.* 1969. № 3. S. 259–265; *Mucha B.* Polska i Polacy w życiu i twórczości Aleksandra Biestuzewa-Marlińskiego // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace historycznoliterackie.* 1974. № 362. S. 155–175; *Bezwiński A.* Chomiakow w kręgu spraw polskich // *Studia polono-slavicorientalia. Acta litteraria* III. 1976. S. 109–130.

⁹ *Walicki A.* W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1962; *Кацус Л. Ф., Одесский М. П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 19–58; *Малютин Г. А.* «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – нач. 60-х гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2013.

сознании русских. Материалом для анализа становятся в основном произведения художественной литературы.

Актуальность работы определяется необходимостью обобщения уже сделанного для понимания избранной темы и заполнения лакун, а вместе с тем ее включенностью в современную историко-литературную парадигму, базирующуюся на понимании межлитературных взаимодействий как динамической системы.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является создание комплексного исследования, позволяющего определить место и значение польской темы в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.).

Для реализации данной цели нами поставлены следующие частные задачи:

1) проанализировать отражение польской темы на страницах журналов «Телескоп», «Молва», «Московский телеграф», «Сын Отечества и Северный Архив», сопоставить позиции журналов и их редакторов с официальными декларациями по «польскому вопросу»;

2) описать взгляды на Польшу и «польский вопрос» представителей западников и славянофилов;

3) выявить, каким образом русская поэзия откликнулась на польское восстание и какую позицию заняли русские поэты по «польскому вопросу» в этот период;

4) проанализировать обращения к польской теме в русской прозе;

5) описать механизм формирования литературной репутации писателей польского происхождения (Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского);

6) на материале исторических романов и повестей выделить ряд польских типажей.

Материалом для настоящей работы в первую очередь послужили тексты русской литературы означенного периода, в системе персонажей которых встречаются герои-поляки, а также сюжет которых основан на исторических событиях столкновения России и Польши. Кроме того, для исследования были привлечены письма, дневниковые записи, журнальные рецензии, публицистические статьи и историко-философские труды русских писателей, критиков, публицистов.

Методологическая база диссертации. Помимо общенаучных методов исследования (индукция, обобщение, классификация), в работе были использованы источниковедческий и сравнительно-исторический методы.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) собраны и проанализированы основные газетные и журнальные отклики на польское восстание 1830–1831 гг., а также тексты, в которых упоминались поляки;

2) выявлен состав и функции фразеологических единиц в официальных документах, написанных по поводу польского восстания 1830–1831 гг.;

3) описана система польских типов в русском историческом романе 1830-х–1840-х гг.;

4) обозначены, обобщены и уточнены обращения Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина, А. А. Бестужева-Марлинского, Н. В. Гоголя, О. И. Сенковского к Польше и полякам в своем творчестве;

5) предпринята попытка проанализировать отношение западников и славянофилов к Польше и полякам, а также выявить решение ими «польского вопроса».

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования и полученные результаты могут использоваться в подготовке лекций и практических занятий для студентов по дисциплинам «История русской литературы», «Сравнительное литературоведение».

Положения, выносимые на защиту:

1) во время польского восстания 1830–1831 гг. и после его подавления в периодическую печать проникали суждения о «польском вопросе», не совпадающие с официальной позицией, высказанные в косвенной или завуалированной форме;

2) мнение подавляющего большинства русских писателей, критиков, публицистов по «польскому вопросу» во время и после польского восстания полностью или частично совпало с позицией властей;

3) вопреки расхожему мнению о полонофобии и антиполонизме русской литературы и ее представителей, существуют факты, говорящие об обратном. Доминирующий негативный образ поляка в текстах русской литературы говорит о том, что русское национальное сознание воспринимало поляков главным образом враждебно и неприязненно. Однако, как только в

силу вступали личные знакомства и контакты, между русскими и польскими писателями завязывалась тесная дружба и долгое творческое сотрудничество;

4) несмотря на то, что образ поляка в сознании русских включал в себя в основном негативные черты, в произведениях русской литературы встречаются также образы поляков, представленные положительно.

Апробация результатов работы. По теме диссертации прочитаны доклады на XVIII, XIX, XXI Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2011, 2012 и 2014 гг.), на II Международной конференции молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, март 2013 г.), на Международной научной конференции «История литературы в системе современных гуманитарных дисциплин» (Москва, апрель 2014 г.). Опубликовано 9 работ общим объемом 3 а.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух частей, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена степень изученности вопроса, определены временные рамки и обоснована актуальность исследования, поставлены цели и задачи диссертации.

В **Первой части «Журналистика и публицистика»** польская тема николаевской эпохи рассмотрена на материале газет и журналов, а также публицистических и литературно-критических статей и работ представителей славянофилов и западников.

В **Первой главе «Польское восстание 1830–1831 гг.»** представлена государственная позиция по «польскому вопросу» и освещение польской темы на страницах периодических изданий во время польского восстания. «Польский вопрос» после польского восстания сводился к следующему: какой государственный статус должна получить Польша и кому должны отойти спорные западные губернии (Литва, Волынь, Подолия, Галиция, Белоруссия).

В **первом разделе «Официальные декларации»** рассмотрено отношение Николая I к «польскому вопросу». На материале законов Российской империи, принятых в период 1826–1855 гг., проанализирована политика, проводимая властями в Царстве Польском, главным принципом которой (особенно после восстания) стала унификация и приведение к

единообразие государственной системы Царства Польского с системой Российской империи.

Государственная позиция по «польскому вопросу» и сам ход польского восстания, а затем и русско-польской войны 1830–1831 гг., получили широкое отражение в периодической печати. По результатам прочтения официальных документов (манифестов, воззваний, указов, приказов, донесений, рапортов, прокламаций), а также писем, переводных статей выявлено тематическое и мотивное единообразие публикуемых материалов. Гнусный бунт, заговор, мятеж начала небольшая группа праздных и легкомысленных юношей. Подчеркивалось, что к бунтовщикам относятся либо нижние воинские чины, либо варшавская чернь. По мере присоединения к восставшим все большей части польских войск само восстание уже не могло быть названо местным бунтом против властей. Польский народ был представлен как заблуждающийся, обманутый и даже запуганный.

В диссертационном исследовании проанализирован состав фразеологии официальных документов, основной функцией которой стало формирование у современников заданного властями восприятия событий в Царстве Польском. Посредством фразеологии обеспечивалась однородность информационного пространства. Весь публикуемый материал и оценки находились в пределах антитезы «свой – чужой». Относящееся к польскому лагерю, то есть к «чужому», оценивалось негативно. Все то, что связано с семантическим полем «свой», получало положительную оценку.

Для характеристики участников восстания подбирались существительные, обозначающие людей, которые вносят беспорядок и хаос в окружающее их пространство («мятежники», «возмутители», «губители родной страны»). Русские, напротив, устанавливают и приносят порядок в государственную организацию Польши.

Описание хода сражений (будь то взятие очередного леса или штурм Варшавы) строится по однотипной схеме. Поляки, как правило, превосходят русских по численности, перед сражением занимают выгодную позицию, но все равно терпят поражение. Русские, напротив, несмотря на многие преграды (превосходство сил противника, невыгодная позиция в виду неприятеля, трудная дорога, несколько повторяющихся атак врага), берут верх над поляками и одерживают победу.

Отступление поляков зачастую представлено как бегство. В противоположность полякам ряды русских войск всегда выступают в полном боевом порядке. Последние абзацы документов содержат сообщения о потерях обеих сторон. У поляков всегда потерь больше, чем у русских. Заключительная формула документов – наступающая ночь прерывает бой.

Во **втором разделе «“Телескоп” и “Молва”»** рассматривается освещение польской темы на страницах журналов Н. И. Надеждина в период польского восстания. М. П. Погодин в журнале «Телескоп» публикует свою статью «Исторические размышления об отношениях Польши к России», в которой, опираясь на исторические факты, обосновывает законность нахождения Польши под властью России, а также говорит о невозможности восстановления польских границ 1772 г.

Кроме статьи Погодина на страницах «Телескопа» и «Молвы» появляются и другие тексты, отражающие позицию редактора, которая вторила официальной. Все статьи и заметки, в которых тем или иным образом затронута тема польского восстания, написаны в патриотическом и официально-пропагандистском ключе.

В **третьем разделе «“Московский телеграф”»** проанализировано отражение польской темы на страницах журнала Н. А. Полевого. В 1820-е гг. «Московский телеграф» уделяет достаточно много внимания польской теме. В журнале печатаются переводы произведений Мицкевича, рецензии на его стихотворения, регулярно сообщается о выходе польских книжных новинок. С приходом в редакцию журнала В. А. Ушакова освещение польской темы было усилено. В 1829 и 1830 гг. публикуются две его обширные рецензии на сочинения польских авторов: «О русском переводе Сонетов Мицкевича» и «“Канёвский замок” С. Гоцинского».

После польского восстания ситуация резко меняется: «В это время журнал оказывается перед необходимостью определить свое отношение к событиям в Польше. «Московский телеграф» выбрал молчание»¹⁰. Либо поддержка официальной позиции, либо молчание – подобным образом была организована деятельность всех периодических изданий того времени. Однако Н. А. Полевой публиковал тексты, косвенно затрагивающие современные ему проблемы, из которых мы догадываемся о его действительной позиции по

¹⁰ *Dziechciaruk Z.* Polonica na łamach czasopisma “Moskowskij tielegraf” (1825–1831) // *Slavia orientalis. Rocznik XX. Nr. 2.* 1971. S. 122.

«польскому вопросу», так как любое упоминание о поляках в период восстания воспринималось на фоне происходящих событий.

В результате прочтения и анализа материалов журнала, касающихся польской темы, были выделены следующие тексты: рецензия на роман М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», краткая биография Я. И. Булгакова, исторический очерк П. А. Словцова «О великих». На их основе можно реконструировать позицию Полевого по «польскому вопросу», которая сводится к следующему: Полевой был против военного вмешательства в дела Царства Польского. Также, по-видимому, его не устраивал характер государственной риторики, клеймящей поляков-изменников и поляков-предателей. Кроме того, общее настроение русского общества в отношении к полякам вызывало сильное отторжение у Полевого. Как решался Полевым вопрос о государственном статусе Царства Польского и западных губерниях, сказать нельзя. Однако очевидным было его желание изменить характер имперской политики на территории Польши, чтобы все меры по урегулированию конфликта были свободны от жестокости и насилия.

В четвертом разделе «“Сын Отечества и Северный Архив”» рассмотрены публикации в журнале Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, затрагивающие польскую тему. В диссертации проанализированы отрывки из биографии Суворова, сочиненные Ф. Шмитом, отрывок «Разрушение Москвы Поляками в 1612 году» из рукописи М. Бера «Летопись Московская» и статья «Обозрение новейших происшествий. Франция», в которой дана ссылка на речь А. Тьера о политическом статусе Польши. После подавления восстания в журнале печатаются ура-патриотические стихотворения Д. Рунича, посвященные взятию Варшавы. Еще один текст, в котором поднята польская тема, – повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Наезды» (о событиях 1613 г.). В ней подробно описан польский быт и польский характер, однако, несмотря на то, что поляки представлены объективно, перевес остается на стороне русских героев.

Очевидно, что редакторы «Сына Отечества» всячески старались обнаружить свою солидарность с мнением властей. В журнале, который был в целом свободен от крикливых патриотических суждений, официальная позиция была подкреплена ссылками на западноевропейских историков и политиков. Редакторы журнала старались подобрать материалы на польскую тему, которые

хотя бы частично отвечали требованию объективности, но в них, естественно, доказывалось заблуждение поляков.

Вторая глава «Славянофилы и западники о поляках, Польше и “польском вопросе”» посвящена рассмотрению польской темы в историко-философском и литературно-критическом творчестве представителей западников и славянофилов.

В **первом разделе «А. С. Хомяков»** представлены взгляды А. С. Хомякова на «польский вопрос» на материале «Записок о всемирной истории», вступительной статьи к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах, ей единоверных и единоплеменных», его письма к А. О. Смирновой, написанного весной 1848 г., а также поэтического творчества (стихотворения «Орел», «Мечта», «Киев» и др.).

Проблемы исторического пути и государственного статуса Польши затрагиваются Хомяковым в связи с рассуждениями о ходе мировой истории и о судьбах славянского мира. По мнению Хомякова, коренной ошибкой поляков является обращение к Западу и принятие ими католицизма. Отступившись от славянства, Польша заплатила за измену потерей собственной государственности. Единственный выход для Польши – снова примкнуть к славянскому миру, от которого зависит мировое будущее. Главой же славянства, по мнению Хомякова, является Россия.

В письме к А. О. Смирновой Хомяковым предложены конкретные меры по разрешению «польского вопроса», к тому же он изменяет свое мнение по поводу государственного статуса Польши. Хомяков допускает восстановление Польши, границы ее должен определить народный референдум – опрос населения тех земель, которые отошли к России, Австрии и Пруссии после трех разделов. Насчет западных губерний, присоединенных к России, Хомяков считает, что они являются исконно русскими, так как в них говорят на русском языке.

Обращения к польской теме И. В. Киреевского освещены во **втором разделе «И. В. Киреевский»**. Польская тема была затронута в его творчестве, в том числе и вследствие непосредственных контактов с поляками. К таковым можно отнести знакомство с Мицкевичем, которому Киреевский посвятил стихотворение «В знак памяти, пред нашим расставаньем...» в день отъезда польского поэта из Москвы. Позднее в «Обзрении русской словесности за 1829 г.» Киреевский ставит Мицкевича в ряд известнейших европейских поэтов

и отмечает, что именно благодаря ему начался диалог польской и русской литератур.

В **третьем разделе «В. Г. Белинский»** исследованы обращения к польской теме В. Г. Белинского. В своих литературно-критических статьях В. Г. Белинский не раз упоминал имя Мицкевича и ставил его в один ряд с такими именами европейских романтиков, как Байрон, Вальтер Скотт и Виктор Гюго. Белинский отмечал, что Мицкевич ввел польскую литературу в круг мировых литератур. Однако мнение Белинского по поводу творчества и значения Мицкевича не раз менялось, доходя до противоречивости, что можно связать с увлекающейся и пылкой натурой «неистового Виссариона».

В **четвертом разделе «П. Я. Чаадаев»** отражено решение П. Я. Чаадаевым «польского вопроса», которое полностью совпало с позицией официальной. Чаадаев по прочтении стихотворений Пушкина, вошедших в брошюру «На взятие Варшавы», выразил свою солидарность с мнением поэта. Свою точку зрения Чаадаев аргументировал в отдельной статье «Несколько слов о польском вопросе», которая не была опубликована при его жизни. Чаадаев выступает против передачи полякам западных губерний и обосновывает историческое право России на данные территории. Независимость Польши также Чаадаевым отвергается, так как, по его мнению, будущее поляков возможно только под властью России и в союзе со всем славянством. В противном случае поляки будут поглощены немцами.

Во **Второй части «Изыщная словесность»** польская тема николаевской эпохи рассмотрена на материале текстов художественной литературы. Анализ текстов предваряет краткий экскурс в историю польских этнонимов «поляк» – «лях», «полька» – «полячка», под которыми герои польского происхождения появлялись в произведениях русской литературы первой половины XIX в.

Третья глава «Поэзия» посвящена исследованию поэтических откликов русских авторов на польское восстание 1830–1831 гг.

В **первом разделе «В. А. Жуковский»** отражены обращения к польской теме у В. А. Жуковского и решение им «польского вопроса». На известие об окончании польского восстания и взятии Варшавы Жуковский пишет два стихотворения: «Старая песня на новый лад» («Русская песнь на взятие Варшавы») и «Русская слава». Основываясь на данных стихотворениях, можно сказать, что позиция Жуковского, выраженная в восторженно-патриотическом ключе, в полной мере соответствовала официальной.

Свой взгляд на государственный статус Польши Жуковский уточнил после подавления восстания в дневниковых записях. По его мнению, существуют три возможных пути решения конфликта: Польша полностью будет ассимилирована Российской империей, Царство Польское существует на прежних основаниях, Польша получает независимость. Жуковский выбирает третий путь, но при этом западные губернии, с его точки зрения, должны остаться в составе России. Предложение Жуковского отделить Польшу с приобретением ею статуса самостоятельного государства в русском обществе не поддерживалось, но встречалось и у других писателей (например, у П. А. Вяземского).

Во **втором разделе «А. С. Пушкин»** рассмотрено решение «польского вопроса» А. С. Пушкиным в соотношении со взглядами Н. М. Карамзина и М. П. Погодина. Для характеристики отношения Пушкина к Польше и «польскому вопросу» исследователи, как правило, привлекают такие произведения, как «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», а также стихотворение «Полонофилу» («Ты просвещением свой разум осветил...») и письма к Е. М. Хитрово. Пушкин поднимает те же вопросы, что и Карамзин с Погодиным, с которыми оказывается солидарным в решении проблемы русско-польских отношений, и видит необходимость в подавлении польского восстания.

Взгляды Карамзина, Погодина, Пушкина в целом совпадают, что, однако, не исключает расхождения в аргументации (к примеру, в вопросе о территориях). В некоторых случаях можно проследить линию, идущую от Карамзина через Погодина к Пушкину (законность нахождения Польши под властью России), в каких-то – Погодин с Пушкиным высказывают мнение, отличное от Карамзина (вопрос об объединении славян во главе с Россией).

В **третьем разделе «Декабристы о польском восстании»** рассматриваются отклики А. И. Одоевского и В. К. Кюхельбекера на польское восстание. А. И. Одоевский был среди немногих, кто приветствовал польское восстание. В своем стихотворении «Недвижимы, как мертвые в гробах...» Одоевский принимает польское восстание за продолжение восстания декабристов.

В. К. Кюхельбекер свой взгляд на восстание выразил в стихотворениях «На Новый год» и «Година скорбная Россию тяготила...», который мало отличался от позиции официальной. Насколько неожиданной была реакция

Кюхельбекера на польское восстание, говорят действия властей, которые весной 1831 г. даже решили перевести его из Динабургской крепости в крепость в Ревеле, потому что «отношение заключенного к событиям в Польше показалось им чрезвычайно подозрительным»¹¹.

Позиция А. С. Хомякова по «польскому вопросу» во время восстания представлена в **четвертом разделе «А. С. Хомяков». «Ода»** («Внимайте голос истребления...») хотя и не была допущена к печати Николаем I, все же появилась на страницах «Русского инвалида» в 1831 г. с фамилией автора и под заглавием «На войну с Польшею». Резолюция Николая I многое говорит о характере «Оды» Хомякова, которая выбивалась из ряда других стихотворений, приуроченных к взятию Варшавы. Хомяков призвал к окончанию кровопролития и выразил идеи панславизма, выступая за объединение всех славян под главенством России.

Взгляд Ф. И. Тютчева на «польский вопрос» в период Ноябрьского восстания отражен в **пятом разделе «Ф. И. Тютчев»**. Стихотворением «Как дочь родную на закланье...» Тютчев откликнулся на взятие Варшавы, однако опубликовано оно было гораздо позднее. Подавление восстания считал «роковым ударом», «кровавой ценой», заплаченной русскими за сохранение целостности государства. Тютчев в стихотворении высказывает близкую славянофилам идею о будущем объединении всех славян.

В периодических изданиях во время восстания и русско-польской войны 1830–1831 гг. публиковались стихотворения, посвященные польской теме, о которых говорится в **шестом разделе «Политические стихотворения»**. Большая часть из них была написана по случаю взятия Варшавы. Многие стихотворения, авторами которых были третьеразрядные поэты, напоминали переложенные в стихи царские манифесты. Тематическая и мотивная структура данных стихотворений была однотипна, ключевые символы и основные идеи повторялись.

В **седьмом разделе «Позднейшие отклики на польское восстание 1830–1831 гг.»** отмечены произведения, в которых тема Ноябрьского восстания поднята по прошествии времени после описываемых событий. К таким откликам, к примеру, можно отнести «Отрывок из послания В<елецкому>» (1833) К. С. Аксакова, «Опять народные витии...» (1835 или 1836)

¹¹ *Białokozowicz B. Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku. Warszawa, 1971. S. 64.*

М. Ю. Лермонтова, «К Уралу» (1833) и «Чаша» (1833) В. Краснова. Польское восстание подняло интерес русского общества к польской теме и «польскому вопросу». Именно на волне этого интереса в 1830-е гг. появились многочисленные драмы на сюжет Смутного времени.

Четвертая глава «Проза» посвящена исследованию польской темы на материале русского романа и повести. В первом разделе «Польша и поляки в русской прозе» рассмотрена польская тема в жизни и творчестве русских писателей-прозаиков.

В подразделе 1.1. «М. Н. Загоскин» отражены обращения М. Н. Загоскина к Польше и полякам в повести «Пан Твардовский» (1834) и историческом романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829). В «Юрии Милославском» представлены оба лагеря: русские и поляки. Среди поляков оказываются как спесивцы и разбойники (например, пан Копычинский), так и благородные поляки (воевода пан Тишкевич). Если отдельные герои-поляки еще могут быть у Загоскина честными и храбрыми, то поляки как интервенты оценены в романе крайне негативно: «У Загоскина, в силу его утрированного патриотизма, права может быть только одна сторона, и это, разумеется, русские»¹².

Загоскин не оставляет без ответа «польский вопрос». Примирение между русскими и поляками возможно, и эта возможность заключается в родстве двух народов, о чем говорит в романе Юрий Милославский: «... я уважаю храбрых и благородных поляков. Придет время, вспомнят и они, что в их жилах течет кровь наших предков, славян; быть может, внуки наши обнимут поляков, как родных братьев, и два сильнейшие поколения древних владык всего севера сольются в один великий и непобедимый народ»¹³. Итак, Загоскин видит будущее разрешение конфликта в объединении славян.

В подразделе 1.2. «Ф. В. Булгарин» основное внимание уделено рассмотрению рецепции романа Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830). Выявлено, что одной из причин предубежденности критиков против романа стало польское происхождение Булгарина, на которое так или иначе в своих рецензиях намекали А. А. Дельвиг, О. М. Сомов, рецензенты «Атеней» (вероятно, С. П. Шевырев), «Вестника Европы», «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности».

¹² Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скота в России. СПб., 1996. С. 78.

¹³ Загоскин М. Н. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 81.

Основной упрек критиков в адрес Булгарина сводился к тому, что в «Димитрии Самозванце» поляки изображены с лучшей стороны, чем русские. Суждения современной Булгарину критики не нашли подтверждения в результате проведенного в диссертации сравнительного анализа образов поляков и русских в историческом романе «Димитрий Самозванец».

В подразделе 1.3. «А. А. Бестужев-Марлинский» исследована польская тема в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, появление которой в его творчестве обусловлено близким знакомством с Польшей и поляками. Будучи поручиком гвардии, Бестужев оказался со своим полком на территории Литвы. Именно в это время он стал учить польский язык и, наблюдая за бытом польских семей, получил богатый материал, пригодившийся позднее.

Бестужев обращался к польской теме как в литературно-критических статьях, так и в своих повестях, к которым относятся «Изменник» (1825), «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830), «Наезды» (1831). Особенностью представления поляков Бестужевым является то, что он избежал односторонности в изображении польских героев, детально и взвешенно отразив быт и характер поляков. Косвенным образом в повести «Наезды» затрагивается вопрос о «возвращенных» губерниях. От лица главного героя князя Серебряного обосновано право русских на западные территории: «русские не отказались еще от края, который в старину принадлежал им»¹⁴.

Несмотря на то, что Бестужев дружил и поддерживал связь со многими поляками, на польское восстание 1830–1831 гг. откликается достаточно резко, сожалея, что не может принять участия в его подавлении. С этого времени польская тема исчезает из его творчества.

В подразделе 1.4. «Н. В. Гоголь» рассмотрены образ Польши и поляков в произведениях Н. В. Гоголя. В творчестве Гоголя образы поляков появляются в тех произведениях, в которых действие происходит на территории Украины и которые посвящены событиям из истории казачества. К таким текстам относятся главы незавершенного исторического романа «Гетьман» (1830–1833), «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и «Тарас Бульба» (1835, 1842). Характер изображения поляка был обусловлен следующими причинами.

Во-первых, гоголевский поляк испытал сильное влияние типа польского пана из малорусских драм XVII – XVIII вв. Как и в малорусских драмах, поляки

¹⁴ *Марлинский А. А.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 4. Спб., 1838. С. 24.

у Гоголя «тщеславны и хвастливы», желают «казаться богатыми и знатными», «являются злостными и неутомимыми угнетателями малорусского крестьянства и козачества»¹⁵.

Во-вторых, во время работы над текстом «Тараса Бульбы» Гоголь обращался к историческим трудам М. Д. Бантыш-Каменского, Г. де Боплана, князя С. И. Мышецкого, украинским летописям Самовидца и Грабянки¹⁶. В-третьих, источником изображения поляка у Гоголя является украинский фольклор. В-четвертых, в героической эпопее «Тарас Бульба» изображение враждебных поляков зависело от самой идеи произведения, в котором противопоставлены два лагеря: Запорожская Сечь и Старая Польша. Кроме того, повлияли исторические события, во время которых создавались означенные повести: именно в это время, после Ноябрьского восстания, в русском обществе набирали обороты антипольские настроения.

В диссертационной работе проведено сопоставление первой (1835 г.) и второй (1842 г.) редакций «Тараса Бульбы». Выявлено, что во второй редакции по сравнению с первой Гоголь уделил значительно больше внимания описанию польского быта и поляков. Во второй редакции в изображении поляков также появляются новые акценты: при сохранении доминирующего образа гордого и хвастливого ляха Гоголь не отказывает полякам в храбрости, патриотизме и военной смекалке.

Тема «Гоголь и Польша» не ограничивается анализом его литературных произведений. Гоголь был знаком с Адамом Мицкевичем, с поэтом «украинской школы» Богданом Залесским, с польскими эмигрантами Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем¹⁷. Также Гоголь живо интересовался польской литературой и знал польский язык (мог по-польски читать). В работе сделан вывод о том, что контакты Гоголя с Польшей и поляками были обширны. Кроме того, весом его вклад в формирование представлений русских о поляках.

¹⁵ Розов В. А. Традиционные типы малорусского театра XVII – XVIII вв. и юношеские повести Н. В. Гоголя // Памяти Н. В. Гоголя. Киев, 1911. С. 143–145.

¹⁶ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 1. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009. С. 635.

¹⁷ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 тт. Т. 2 / Изд-е подготовил И. А. Виноградов. М., 2012. С. 21–29

В подразделе 1.5. «О. И. Сенковский» исследуется польская тема в жизни и творчестве О. И. Сенковского. В литературной полемике с Сенковским критики использовали тот же аргумент, что и в литературных спорах с Булгариным, вспоминая о его польском происхождении. Если Сенковский поляк, значит, он не может авторитетно судить о произведениях русской литературы. Сенковский дистанцировался от польской темы в «Большом выходе у Сатаны» (1833) и больше к ней не возвращался.

В подразделе 1.6. «В. И. Даль» рассмотрены обращения В. И. Даля к польской теме. В рассказе «Подолянка» (1839) Далем отражены как устоявшиеся, стереотипные, суждения во взгляде на поляков, так и его собственный взгляд, приобретенный во время тесного общения с ними в период польского восстания и русско-польской войны. Даль был убежден в бессмысленности восстания ввиду «неравенства сил»¹⁸, а само взятие Варшавы было встречено им без энтузиазма.

В подразделе 1.7. «И. С. Тургенев» проанализированы обращения И. С. Тургенева к польской теме в повестях «Затишье» (1854) и «Первая любовь» (1860). Стельчинский и граф Малевский хотя и наделены типичными для поляков чертами (хвастовство, самодовольство), но в их изображение Тургенев вносит новые детали и новые черты по сравнению с текстами 1830–1840-х гг.

Во втором разделе «Польские типы в русском историческом романе конца 1820-х – начала 1840-х гг.» на материале исторических романов и повестей выстроена система польских типажей. В начале главы соотнесены понятия «стереотип» – «типаж» – «образ». В диссертационной работе стереотип поляка в сознании русских не стал предметом исследования, так как данная проблема хорошо изучена в предшествующих научных трудах (работы А. Кемпинского, А. Гизы, С. М. Фалькович, Е. Е. Левкиевской, А. В. Липатова, В. А. Хорева, А. де Лазари и др.).

Для соотнесения понятий «стереотип» – «типаж» – «образ» необходимо уяснить, что польские типы основываются и берут начало в стереотипе польского национального характера. Кроме того, как «стереотип», так и «типаж» являются моделями. Их же конкретным воплощением в тексте становятся художественные образы. Поэтому происходящие изменения в

¹⁸ Listwan F. “Polskie momenty” w życiu i twórczości Włodzimierza Dala // Slavia orientalis. 1986. T. 35. № 4. S.524.

стереотипе восприятия «другого» ведут за собой изменения как в типажах, так и в их конкретных реализациях – художественных образах.

Если описывать стереотип поляка в сознании русских, то необходимо отметить такие черты, как гордость, тщеславие, хвастливость, своеволие¹⁹. В текстах одним из характерных признаков поляка является указание на его католическое вероисповедание, подчеркивается его чуждость православию.

В диссертации проанализирована структура польских типажей, получавших конкретное воплощение в героях польского происхождения с польской ментальностью, картиной мира и типом поведения²⁰.

Классификация польских образов представлена в диссертации на материале исторического романа и повести. В нравоописательных, социально-психологических романах и повестях будут присутствовать другие типы, являющиеся в то же время вариантом стереотипа поляка в сознании русских.

Выбор польских образов для классификации не был ограничен только вымышленными персонажами (чем настоящее исследование отличается от предшествующих работ)²¹: в анализ также были включены образы Марины Мнишек, ее отца, польских королей, Лисовского и Сапеги, так как эти образы являются квинтэссенцией того, как русские видят поляков.

В соответствии с тем, какие черты героя автор подчеркивает и выводит на первый план (включая не только черты характера, но и атрибуты внешности, обстановку), в диссертации выделено семь вариантов типажных персонажей.

В подразделе 1.1. «Польский пан» представлен тип польского пана (помещика, магната, вельможи), который является одним из самых распространенных, аккумулируя в себе те черты, которыми русские обычно наделяют поляков. Как правило, польский пан богат, знатен, заносчив, горд, надменен, спесив, кичлив, высокомерен, тщеславен и своеволен. Однако также любезен с дамами и образован (или, по крайней мере, хочет таким казаться).

Польский пан – мужчина зрелого или преклонного возраста. Непременные атрибуты его внешности – усы, большой живот и чуб на бритой

¹⁹ *Kepiński A.* “Lach i Moskal”. Z dziejów stereotypu. Warszawa – Kraków, 1990. S. 193; *Piczugin D.* Zakładnicy historii – u źródeł negatywnego stereotypu Polski i Polaków w literaturze rosyjskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa, 2006. S. 339–347.

²⁰ *Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М.* Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 37–54.

²¹ *Goldgart S.* Stereotyp Polaka w literaturze rosyjskiej XIX wieku // *Polacy w życiu kulturalnym Rosji.* Wrocław, 1986. S.117–125.

голове. Богатство польского помещика должен был подчеркивать его образ жизни и внутреннее убранство комнат. Центр его домашней жизни – обеденный стол, который ломится от всевозможных яств. Весь быт и поведение польского пана отражали его характерные черты: гордость, спесь, самолюбие.

В исторических романах нередко встречались и пародийные образы поляков. В образе-пародии наиболее значимые черты типажа гипертрофированы и являются определяющими в структуре образа, а зачастую и единственными. При таком построении образ приобретает комичность и становится карикатурным. В диссертации рассмотрены образ польского военачальника из повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, образ пана Копычинского из романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Н. Загоскина и образ пана Пышенко из романа «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия» О. П. Шишкиной.

В подразделе 1.2. «Польская панна» рассмотрен женский популярный типаж – типаж польской панны. Польская панна чаще всего либо дочь (Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; О. П. Шишкина «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия»; Ф. В. Булгарин «Димитрий Самозванец»), либо молодая жена богатого польского воеводы (Н. А. Полевой «Краковский замок»). Однако красота прекрасной польки часто несет в себе опасность для того, кто увлекся ею (Андрей в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя).

Основные черты польской панны – гордость, самолюбие, тщеславие. Выбирая супруга и способствуя его социальному возвышению, польская панна служит собственному честолюбию (княгиня Елена Дубровицкая в романе Б. М. Федорова «Князь Курбский»; Марина Мнишек в романе Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец»; панна Ратомская в романе О. П. Шишкиной «Князь Скопин-Шуйский»).

В подразделе 1.3. «Польский воевода» исследован типаж польского воеводы, который руководит военными действиями, возглавляет поляков и планирует наступление. Польский воевода наделен храбростью и мужеством, он умен и хитер.

В подразделе 1.4. «Польский воин» проанализирован типаж польского воина. Герои, представляющие данный типаж, относятся к разным социальным слоям: здесь и родовитые паны, и мелкая шляхта. Польский воин отважен и храбр. Он лихой и умелый наездник. Его непременные атрибуты – конь и сабля.

Однако и в нем проявляются характерные черты стереотипа поляка – хвастливость и гордость.

В подразделе 1.5. «Польский король» рассмотрен типаж польского короля. Как правило, польский король является внесюжетным или второстепенным персонажем. Он слабый и нерешительный, легко поддается чужому влиянию. Зачастую польские короли в исторических романах сильно проигрывали на фоне храбрых и умных польских воевод.

Менее распространенным типажом является типаж польского ксендза, который представлен в подразделе 1.6. «Польский ксендз». Польские священники изображены в негативном ключе. Они хитры, льстивы и двуличны.

Типаж польского шляхтича рассмотрен в подразделе 1.7. «Польский шляхтич». Этому типажному персонажу присущи гордость, хвастливость, своеволие. Он хочет казаться богатым, не будучи им.

Подобное восприятие поляков русскими не может быть объяснено лишь предвзятостью последних. В силу долгих и тесных взаимоотношений между двумя народами существует целый ряд причин столь враждебного восприятия. Эти причины можно подразделить на исторические, политические и религиозные. К историческим причинам можно отнести события Смутного времени (польскую интервенцию и наезды лисовчиков), к политическим – восстания поляков, религиозные заключаются в различном вероисповедании – католическом и православном.

В **Заключении** представлены основные выводы работы, намечены перспективы дальнейшего исследования польской темы в русской литературе.

Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.), ставшая предметом изучения в настоящей работе, представляет собой составную часть в истории русско-польских литературных отношений. Появление польской темы в русской литературе николаевской эпохи во многом было предопределено политическими, историческими, географическими и культурными причинами: близкое «соседство», спорные территории, богатая история войн и культурных контактов.

Польское восстание обострило «польский вопрос», который заключался в проблеме статуса Царства Польского и положения западных губерний. По реакции на польское восстание хорошо видно, что для русской литературной среды и общественности единственно возможным государственным статусом Польши было ее полное вхождение в состав Российской империи. Только

В. А. Жуковский и П. А. Вяземский высказывали в своих дневниках непопулярное мнение и видели Польшу, отделенной от России. Западные губернии, по мнению многих, должны были безвозвратно быть присоединены к России. При этом главным аргументом, к которому прибегали М. П. Погодин, В. А. Жуковский, П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, была ориентация на границу языковую между Россией и Польшей.

Польская тема как важная политическая и общественная проблема стала неотъемлемой частью историософских размышлений славянофилов и западников о путях развития России и ее месте в славянском, и шире, в мировом сообществе. Под воздействием польского восстания и политических событий 1840-х гг. (революций в Европе) А. С. Хомяков обращается к польской теме и «польскому вопросу» в своем поэтическом творчестве, письме и «Записках о всемирной истории». Рассуждения Хомякова о месте Польши связаны с рассуждениями о судьбах России. П. Я. Чаадаев касается «польского вопроса» в связи с польским восстанием. Его рассуждения приводят к выводу о благополучии Польши только в союзе со славянством, а значит, и с Россией.

В исторических причинах берет начало негативный стереотип поляка в русском национальном сознании. Многочисленные военные столкновения, а затем и польские восстания предопределили формирование негативного и враждебного отношения русских к полякам. Доказательством того, что подобное восприятие западного соседа «висело в воздухе» и неизбежно и неизменно влияло на русских писателей, критиков, публицистов, служат многочисленные примеры из текстов. Здесь следует вспомнить «кичливого ляха» А. С. Пушкина, образы поляков в художественных произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, М. Н. Загоскина, Н. В. Гоголя.

На основе стереотипа национального характера поляка строятся польские типажи в русском историческом романе конца 1820-х – начала 1840-х гг. В результате прочтения, обобщения и анализа текстов в диссертационной работе выделены семь польских типажей: польский пан, польская панна, польский воевода, польский воин, польский король, польский ксендз, польский шляхтич.

Парадокс отношения русских писателей к полякам заключается в следующем. Несмотря на то, что каждый из них ориентировался в своих произведениях на негативный стереотип поляка, и появляющиеся в текстах образы поляков это доказывали, при личных контактах данный стереотип

оказывался за рамками знакомств, общения и дружбы. Особенно хорошо это видно при обращении к теме «Мицкевич и русская литература».

Творческие и дружеские контакты были вне политической вражды и исторической неприязни. Однако, как только речь заходила о политическом соперничестве России и Польши, верх брал стереотип. Так, например, А. А. Бестужев-Марлинский тесно общался с Ф. В. Булгариным, учил польский у О. И. Сенковского, но, находясь в ссылке и узнав о польском восстании, сожалел, что не может присоединиться к подавлению восстания. Позднее А. А. Бестужев-Марлинский в Тифлисе жил на квартире у поляка В. Потоцкого, ставшего его близким другом. В. К. Кюхельбекер в ссылке в Динабурге наладил тесные дружеские и литературные контакты с поляками А. Рыпинским, А. Понговским, Т. Скржидлевским, однако это не помешало ему в декабре 1831 г. написать два стихотворения («На новый год» и «Година скорбная Россию тяготила...»), в которых он приветствовал подавление мятежа. К сожалению, личный опыт поэтов и писателей никак не отразился на культурном стереотипе поляка, который оставался в целом негативным.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. **Сабадаш Н. П.** «Не то беда, что ты поляк...»: ранняя рецепция романа Ф. В. Булгарина «Дмитрий Самозванец» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 5. С. 89–95 (0,7 а.л.).

2. **Сабадаш Н. П.** Этнонимы поляков в русской литературе первой половины XIX века // Русская речь. 2014. № 5. С. 83–87 (0,3 а.л.).

3. **Сабадаш Н. П.** Фразеология официальных документов периода польского восстания 1830–1831 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. Ч. 1. С. 150–152 (0,4 а.л.).

4. **Сабадаш Н. П.** Пародийные образы поляков в русском историческом романе (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 4. С. 142–145 (0,3 а.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

5. **Сабадаш Н. П.** Ф. В. Булгарин и его роман «Дмитрий Самозванец» в русской литературной критике 1830 года // Материалы Международного

молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2011 (0,15 а.л.).

6. *Сабадаш Н. П.* Польская тема на страницах русских периодических изданий 1831 года // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2012 (0,15 а.л.).

7. *Сабадаш Н. П.* Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, А. С. Пушкин: три решения польского вопроса // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013 (0,15 а.л.).

8. *Сабадаш Н. П.* Польская тема на страницах русских периодических изданий в период польского восстания 1830–1831 гг. // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Материалы XIX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»: Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 5. С. 101–105 (0,3 а.л.).

9. *Сабадаш Н. П.* Польские типажи в русском историческом романе (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) / Сабадаш Н. П.; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2014. 14 с. Библиограф.: с. 12–14. Деп. в ИНИОН РАН 14.03.2014, № 61113 (0,6 а.л.).